

Некоторые диссертации на соискание ученых степеней, защищенные в России в 2015–2016 гг. по вопросам международного коммерческого арбитража и ADR: критический обзор положений, вынесенных на защиту

<https://doi.org/10.32875/icar.2018.1.438>

Арбитраж — прежде всего практическая деятельность, прагматичные процедуры. Однако арбитраж без научного и критического изучения возникающих в нем проблем адекватно развиваться не может.

Итоги попыток рассмотрения проблем арбитража следует всемерно распространять и, в свою очередь, также подвергать испытаниям, в том числе критическим. Такая «критика критики» — дополнительный инструмент для дальнейшего продвижения арбитража.

Ввиду этого было решено начать публиковать в «Вестнике МКА» обзоры отечественных диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук по вопросам международного коммерческого и инвестиционного арбитража, а также ADR, международного гражданского процесса и международного частного права (в части, касающейся коммерческих и экономических отношений). Это чуть ли не первая в отечественной литературе попытка критического анализа применительно к таким вопросам.

Ниже представлен первый подготовленный А.И. Мурановым критический анализ в отношении четырех таких диссертаций, представленных к защите в России с 2015 г. по 2016 г. (само собой, в эти годы их было защищено гораздо больше. В последующих номерах «Вестника МКА» будут представлены обзоры и иных таких диссертаций).

Изучению подвергались не сами диссертации, а только лишь положения, тезисы в них, выносимые на защиту (исключение составляет работа С.Ю. Казаченок). Ниже представлены выдержки из авторефератов диссертаций, содержащие именно такие тезисы (а также, само собой, названия диссертаций, сведения об их авторах, учреждениях, в которых они готовились и затем защищались, научных руководителях, оппонентах и ведущих организациях).

Важно понимать, что тезисы диссертации — не сама диссертация. Тезисы могут быть неудачными, тогда как сама диссертация — блестящей, и наоборот. Но такое бывает крайне редко. Тезисы — квинтэссенция диссертации, тот оселок, при помощи которого можно проверять уровень научного мастерства автора, степень понимания им соответствующих проблем, а также его внимание к терминологии. Сформулировать итоги своих научных изысканий кратко, емко и корректно — крайне непростая задача, особое искусство.

Представленный обзор на полноту или исчерываемость не претендует. Его автор, познания которого далеки от совершенства, также не притязает на истину: он лишь представил свою точку зрения, оценочные суждения применительно к тезисам в указанных ниже диссертациях.

Автор подчеркивает еще раз: он не ставил себе задачей подготовить отзывы на авторефераты. Он лишь в очень сжатой форме выразил свое мнение по поводу тезисов в них.

Само собой, обзор составлен в расчете на подготовленного читателя, и этим объясняются сжатые оценки автора обзора.

Автором обзора не указываются в качестве замечаний допущенные в анализируемых тезисах пунктуационные ошибки, опечатки и т.п. Между тем зачастую их немало. Многие защищающиеся нередко относятся к своим работам в этом плане небрежно.

Важно подчеркнуть следующий момент. В современных российских диссертациях в качестве тезисов, выносимых на защиту, часто выдвигаются предложения изменить какой-либо закон, и в том числе даются конкретные формулировки.

К сожалению, это общая практика и даже обязательное требование у некоторых «научных» руководителей (я был свидетелем, как один из них «учил» своего аспиранта: «Напиши предложения изменить закон, пошли их в Госдуму, а потом представишь в качестве примера апробации своих выводов»). У этого отечественного явления глубокие корни — маниакальное стремление плодить все новые законы (и видеть в этом главный смысл юриспруденции), а потом почти сразу же вносить в них массу изменений по любому поводу и без повода вкупе с наивной верой в то, что они сами по себе волшебным образом наладят все во мгновение ока в соответствующей сфере. Еще, конечно, не надо забывать о том, что предложить новый закон или поправку — это в отечественных условиях особый способ «вписать себя в историю», своего рода изобретение новой магической формулы.

Однако бесспорно то, что любые предложения, каким-либо образом упоминающие об изменении, совершенствовании законов и т.д., не могут иметь никакого отношения к тем научным тезисам, которые следует выносить на защиту.

Диссертация должна быть научным исследованием, из чего следует, что предложения по поводу изменения законов могут лишь вытекать из итогов такого исследования в качестве практических рекомендаций, основанных на научно обоснованных тезисах. Соответствующие предложения могут быть приложением к выводам диссертации, но никак не заменять собою эти выводы. Тезисы диссертации — фиксация итогов научного поиска в реальности, а не рассуждения *de lege ferenda*, не юридико-технические обоснования необходимости изменить закон. Последние — не наука, а особый прагматический жанр юридической работы.

Это доказывается еще и тем, что авторы не приводят какие-либо серьезные аргументы в пользу возможности того, что их юридико-технические предложения действительно могут быть приняты на уровне закона. И в подавляющем большинстве случаев такого обоснования просто не может быть хотя бы по причине сомнительности многих предлагаемых авторами формулировок.

Так что все подобные предложения практически всегда — лишь маниловщина. «Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одним словом» (Н.В. Гоголь).

И наконец: «Я глубоко убежден, что главная проблема, которая есть и остается в системе аттестации, — это катастрофическое падение уровня диссертаций в 90-х — начале 2000-х. И не только падение уровня, но и „потеря жанра“, как я обычно говорю. Под этим понимаю вот что: изначально, да и по сегодняшним правилам, диссертационные работы пред-

назначены для научно-педагогической аттестации, это научно-квалификационные работы, а отнюдь не проекты законов, которые стали часто предлагать, либо проекты каких-то ин-струкций. Причем, опять же, я ничуть не преуменьшаю значение такой деятельности. Проект закона может оказаться важнее тысячи диссертаций, когда он выйдет, но это другой жанр» (Киричников Михаил [председатель ВАК]. ВАК: защита высоких стандартов в науке // *Acta Naturae* (русскоязычная версия). 2009. № 1. С. 7¹).

Само собой разумеется, что авторы указанных ниже диссертаций всегда могут вспомнить о следующих словах А.П. Чехова: «Критики похожи на слепней, которые мешают лошади пахать землю. Лошадь работает, все мускулы натянуты, как струны на контрабасе, а тут на крупе садится слепень и щекочет и жужжит. Нужно встряхивать кожей и махать хвостом. О чем он жужжит? Едва ли ему понятно это. Просто — характер у него беспокойный и заявить о себе хочется — мол, тоже на земле живу! Вот видите — могу даже жужжать, обо всем могу жужжать! Я двадцать пять лет читаю критики на мои рассказы, а ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышал. Только однажды Скаби-чевский произвел на меня впечатление, он написал, что я умру в пьяном виде под забором».

Приведенная ниже критика затрагивает в той или иной мере, конечно же, не только ав-торов тезисов, но и соответствующих научных руководителей, научных консультантов, оп-понентов, ведущие организации, диссертационные советы. Но это неизбежно.

Более того, проблема некачественных тезисов (которая неразрывно связана с «конвейер-ным выпеканием» диссертаций), безусловно, системная. С этой точки зрения имело бы смысл критиковать сложившуюся в России систему прежде всего «с головы», а не «с хвоста».

В самом деле, проблема не только в том, что многие авторы пишут свои тезисы и дис-сертации бездумно: их в этом вольно или невольно, осознанно или неосознанно поощряют со-ответствующие научные руководители, научные консультанты, оппоненты, ведущие орга-низации, диссертационные советы.

И ведь авторы тезисов искренне уверены, что играют «по правилам». Когда же в их адрес высказывается жесткая критика, они тут же начинают обижаться и недоумевать. Они неподдельно полагают, что заслуживают научной степени хотя бы за то, что смогли до-браться до диссертационного совета, что ввиду этого содержание их тезисов и диссертаци-и не так уж и значимо. Ведь всем важен не результат, а процесс «подготовки и защит» сам по себе, пусть даже в итоге он и обесмысливается.

Понять авторов в чем-то даже можно: да, такая вот на сегодня сложилась в РФ нека-чественная система научной аттестации, так что, казалось бы, какие могут быть к ним претензии? Разве это гуманно?

Понять можно, а вот оправдать нельзя. В противном случае падение уровня тезисов и дис-сертаций только ускорится.

И все эти проблемы заслуживают в последующем отдельного, специального освещения на страницах «Вестника международного коммерческого арбитража» применительно к меж-дународному коммерческому и инвестиционному арбитражу, а также ADR, международ-ному гражданскому процессу и международному частному праву (в части, касающейся ком-мерческих и экономических отношений).

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/vak-zaschita-vysokih-standartov-v-nauke.pdf>

Some Theses Submitted for Academic Degrees Defended in Russia in 2015–2016 on Arbitration and ADR Issues: Critical Analysis of the Findings Proposed for Defense

Arbitration is first and foremost a practical activity, and pragmatic procedures. However, arbitration cannot adequately develop without academic and critical examination of the problems arising within it.

The results of attempts to consider arbitration problems should be widely circulated and, in turn, should be also put to the test, including critically. Such a “criticism of criticism” is an additional tool for the further promotion of arbitration.

In the light of this it has been decided to start publishing in the “International Commercial Arbitration Review” synopses of Russian domestic theses submitted for the academic degrees of Candidate and Doctor of Laws on issues relating to international commercial and investment arbitration, as well as to ADR, international civil litigation and private international law (with regard to commercial and economic relations). It is almost the first attempt in the Russian literature of critical analysis with regard to such issues.

We give below a critical analysis prepared by Alexander I. Muranov in respect of four such theses submitted for defense in Russia over the period from 2015 to 2016 (it goes without saying that many more theses were defended in these years. Others will be reviewed in subsequent issues of the “International Commercial Arbitration Review”).

The study was made with regard not to the theses themselves but only to the provisions and findings in them which were to be defended (with the exception of the work of Svetlana Yu. Kazachenok). Set out below are extracts from the theses’ synopses containing just such findings (and, clearly, the theses’ titles, information about the authors, the institutions in which they have been prepared, the research supervisors, opponents and organizations which overviewed the theses).

It is essential to understand that the findings in the theses are not equal to the theses themselves. The findings may be poor while the theses per se will be brilliant, and vice versa. But this is very rarely the case. The findings constitute the quintessence of the thesis, a touchstone which helps to verify the level of the author’s academic skill, the extent of their understanding of the relevant problems as well as their attention to terminology. To sum up the results of one’s scientific research in a concise, inclusive and correct manner is a very difficult task, it is a special art.

The present overview cannot purport to be complete or exhaustive. Its author, whose knowledge is by no means perfect, also does not claim to have a monopoly on the truth: he has just expressed his point of view and evaluative conclusions regarding the findings in the theses indicated below.

The author emphasizes once again: he did not set himself the goal of preparing comments on the synopses of theses. He just expressed his opinion in a very short form on the findings defended in them.

Clearly, this overview has been made for the well-informed reader which explains the brevity of the author’s opinions in the overview.

As a rule, the author of the overview did not take into consideration any punctuation errors, typos, etc. made in the analyzed findings. At the same time many such mistakes can often be seen. All too often theses applicants treat their work in this respect in a careless manner.

The following point should be stressed. Many present-day Russian theses contain, as the findings to be defended, proposals to amend a specific law and, inter alia, include precise wordings.

Regretfully, it is common practice and even a mandatory requirement from some “research” supervisors (I have heard myself how one such supervisor was “teaching” his post-graduate: “Write proposals to amend the law, send them to the State Duma and then present them as an example of approbation of your conclusions”). This Russian domestic phenomenon has deep roots – a maniacal keenness to spawn more and more new laws (seeing it as the primary target of jurisprudence) and then, almost at the same time, to issue plenty of amendments to them with or without any reason, naively believing that such laws will themselves instantly put everything all right in the relevant sphere like in a fairy tale. Evidently, one should also bear in mind that proposing a new law or amendment in the Russian domestic environment has been a method of “writing one’s name into history,” a sort of inventing of a new magical formula.

However, it is indisputable that proposals with any references to amendments, development of the laws, etc. still may not have anything in common with the academic findings which should be brought forward for defense.

A thesis should constitute scholarly research which implies that any proposals to amend laws may only follow from the results of such research as practical recommendations based on the substantiated scholarly findings. The relevant proposals may supplement the conclusions in the thesis but should in no way replace them. The academic findings in a thesis set out the results of scholarly research in reality and not de lege ferenda deliberations, not the legal and technical substantiations of the necessity to amend the law. The latter is not science but a specific pragmatic genre of legal work.

It is also evidenced by the fact that the theses’ authors do not provide any serious arguments in support of the possibility that their legal and technical proposals may actually become a part of law. And in the vast majority of cases such substantiations are simply impossible due, for instance, to the dubiousness of many wordings proposed by the theses’ authors.

Thus all such proposals are nearly always just day-dreaming (building castles in the air like Manilov in Gogol’s “Dead Souls”). “At times, as he looked down from the front porch on the courtyard and the pond, he would get to talking of what a good thing it would be if one were to up and tunnel an underground passage leading out of the house, or build a stone bridge across the pond, on both sides of which there would be shops, and have merchants sitting therein and selling all sorts of small wares that the peasants needed. As he spoke thus his eyes would become exceedingly sweet, while his face assumed the most contented expression. These projects ended, after all, with mere talk” (N.V. Gogol).

*“I’m deeply convinced that the major problem which was present and still remains in the state attestation system is a catastrophic deterioration in the quality of theses’ in the 90s and early 2000s. Not just deterioration in quality but also a ‘loss of a genre,’ as I call it. What I mean is as follows: initially and even under the current rules, theses are intended for academic and pedagogical attestation, being scholarly qualification research and not draft laws, which are often proposed nowadays, or draft instructions. That said, I by no means understate the significance of such activity. A draft law may prove more important than a thousand theses when it has been issued but it is a different genre” (Mikhail Kirpichnikov [chairman of the Supreme Attestation Commission]. *The Supreme Attestation Commission: Protection of High Standards in Science // Acta Naturae (Russian version)*. 2009. No. 1. P. 72).*

It goes without saying that the authors of the theses indicated below can always keep in mind the following words of Anton Chekhov: “Critics are similar to gadflies who prevent a horse from ploughing the land. The horse works, all his muscles are strained like the strings of a bass viol and, all of a sudden, a gadfly sits on its rump and starts tickling and buzzing. The skin tightens and the tail swings. What is the gadfly buzzing about? It hardly understands itself. Simply its restless temper wants to make it-

² <https://cyberleninka.ru/article/n/vak-zaschita-vysokih-standartov-v-nauke.pdf>

self known — look here, I also live in this world! As you can see — I can even buzz, can buzz about anything! I have been reading criticisms of my stories for twenty five years and do not recall a single valuable suggestion, I have not heard a single kind piece of advice. Only once Skabichevsky impressed me, when he wrote that I will die drunk in a ditch.”

The criticism below surely concerns, to a greater or lesser extent, not only the authors of the findings in the theses but also their academic supervisors, academic consultants, opponents, academic organizations appointed to overview the theses, the theses councils. But it is inevitable.

Moreover, the problem of poor findings in the theses (which is inseparably connected with a “conveyor belt cooking” of the theses) is no doubt a systematic one. From this point of view it would make sense to criticize the established in Russia system, in the first place, “from its head,” and not from “its tail.”

Actually, the problem is not only that many authors write their theses and findings in them in a thoughtless manner: they are encouraged to do so, either voluntarily or involuntarily, intentionally or unintentionally by their academic supervisors, academic consultants, opponents, academic organizations appointed to overview the theses, the theses councils.

And such authors sincerely believe that they are playing “by the rules.” And when they face sharp criticism, they instantly feel offended and puzzled. They genuinely suppose that they deserve an academic degree for simply reaching the theses councils and that, in light of this, the content of their theses and dissertations is not so significant. It is not the result but the process of “writing and defense” per se that is important, even though ultimately it grows into senseless exercises.

To a certain extent one may even understand the authors’ position: yes, it is true that such a poor quality system of academic attestation has been formed in Russia nowadays, so what claims may be raised against them? Is it really humane?

It may be understood but cannot be justified. Otherwise the level of theses and academic findings in them will be descending faster and faster.

And all these problems deserve further separate and special analysis on the pages of the International Commercial Arbitration Review in respect issues relating to international commercial and investment arbitration, as well as to ADR, international civil litigation and private international law (with regard to commercial and economic relations).

Казаченок Светлана Юрьевна. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения. 12.00.03. Кафедра гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета. Российский университет дружбы народов. — 2015.

Kazachenok Svetlana Yurievna. Arbitration Agreement in the System of Private Law Ensuring Foreign Economic Transactions’: The Methodology of Formation and the Practice of Application. 12.00.03. Department of Civil and Private International Law of the Institute of Law of Volgograd State University. Russian University of Peoples’ Friendship. — 2015.

Князева Любовь Викторовна. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в США. 12.00.03. Кафедра гражданского и трудового права Юридического института Российского университета дружбы народов. Российский университет дружбы народов. — 2015.

Knyazeva Lyubov Viktorovna. Recognition and Enforcement of Foreign Judgments and Arbitral Awards in the USA. 12.00.03. Department of Civil and Labor Law of the Law Institute of the Russian University of Peoples' Friendship. Russian University of Peoples' Friendship. – 2015.

Зыонг Тху Тху Хыонг. Гарантии независимости и беспристрастности арбитров в международном коммерческом арбитраже (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам). 12.00.15. Кафедра гражданского права и процесса Воронежского государственного университета. Институт государства и права Российской академии наук. – 2016.

Zyong Tkhi Tkhu Khyong. Guarantees of Independence and Impartiality of Arbitrators in International Commercial Arbitration (by the examples of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam). 12.00.15. Department of Civil Law and Procedure of Voronezh State University. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016.

Иванова Екатерина Алексеевна. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. 12.00.15. Кафедра гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. Уральский государственный юридический университет. – 2016.

Ivanova Ekaterina Alexeyevna. Agreements in the Sphere of Civil Jurisdiction: Procedurally-Legal Aspect. 12.00.15. Department of Civil Procedure of the Ural State Law University. Ural State Law University. – 2016.

Казаченок Светлана Юрьевна. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения.

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Волгоград, 2015.

Диссертация выполнена на кафедре гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета.

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор Иншакова Агнесса Олеговна, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»;

Официальные оппоненты: заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Пугинский Борис Иванович, профессор кафедры коммерческого права юридического факультета ФГБУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

доктор юридических наук, профессор Долинская Владимира Владимировна, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»;

доктор юридических наук, профессор Ерпылева Наталия Юрьевна, заведующая кафедрой международного частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Защита состоится «20» мая 2015 г. в 14 час 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.203.36 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учебно-научного информационного библиотечного центра (НБ) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Электронная версия автореферата размещена на сайте <http://www.rudn.ru> Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», отправлена на сайт ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по адресу: vak2.ed.gov.ru.

Работа также была рассмотрена 8 февраля 2016 г. диссертационным советом Д503.001.01 Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, в который она была направлена на дополнительное заключение на основании рекомендации Президиума ВАК при Министерстве образования и науки РФ от 20 ноября 2015 г. № 151-зд. Этот совет решил присудить С.Ю. Казаченок ученую степень доктора юридических наук по специальности 12.00.03.

<...>

Положения, выносимые на защиту.

1. Посредством ретроспективного изучения феномена арбитражного соглашения установлены приоритетные законодательные акценты законотворческой рационализации, обусловленные историческими социо-хозяйственными реалиями, опосредовавшими необходимость поэтапной рецепции норм и принципов античного права, основанных на перечне национально значимых юридических последствий соглашения об арбитраже: **[Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.]**

Часть тезиса можно понять так, что для современного российского права делается странное предложение о «необходимости поэтапной рецепции норм и принципов античного права». Для чего?

Далее, выдвигается утверждение о том, что имеются «нормы и принципы античного права, основанные на перечне национально значимых юридических последствий соглашения об арбитраже». Как нормы и принципы античного права (!) могут основываться на перечне (!) национально значимых (!) юридических последствий (!) соглашения об арбитраже? И что такое «перечень национально значимых юридических последствий соглашения об арбитраже»?

Наконец, стилистическая ошибка: «законодательные акценты законотворческой рационализации».

Непродуманный тезис. Отсутствие научной значимости.]

— ограниченное, законное и корректное с экономической точки зрения вмешательство государства в процесс урегулирования частноправовых коммерческих споров; **[Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]**

— эффективность закрепления и легитимации международного коммерческого арбитража как одного из самых востребованных способов альтернативного разрешения споров; **[Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]**

– ликвидация конкуренции между государственными и арбитражными судами путем разграничения юрисдикции двух систем; [**Неверное утверждение: конкуренция между этими системами никуда не денется, что подтверждают подходы Верховного Суда РФ к арбитражу. Недостаточно корректная терминология: «между государственными и арбитражными судами». Какие «арбитражные суды» автор имеет в виду?**]

– избежание обращения к государственному судопроизводству, характеризующемуся высокой степенью влияния административного ресурса, бюрократии и встречающейся нечистоплотности чиновников; [**Странное и непонятное утверждение: «избежание обращения к государственному судопроизводству».**

Абстрактное и непонятное указание: «встречающейся нечистоплотности чиновников». О ком идет речь? О судьях? Или нет?

Стилистическая ошибка: «степень влияния административного ресурса»: ресурс используется, а не влияет.

Непродуманный тезис. Отсутствие научной значимости.]

– возможность устранения проблемы отставания действующего законодательства и обычного права от динамичного процесса развития торговли, производства и финансов в условиях постепенного упрочения деловых контактов и мирохозяйственных связей; [**Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.**

Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны.

Что такое именно «возможность устранения проблемы»? Именно ее предлагается считать «приоритетным законодательным акцентом законотворческой рационализации» (см. выше)?

Отсутствие научной значимости.]

– возможность привлечения в иницилируемый процесс в качестве участников организаций с высоким профессиональным потенциалом и авторитетом; [**Абстрактное и непонятное утверждение. Что такое «иницилируемый процесс»? И что такое «привлечение... в качестве участников организаций с высоким профессиональным потенциалом и авторитетом»? О каких организациях идет речь? В качестве кого они привлекаются? К тому же утверждение банальнейшее и новым с научной точки зрения не являющееся.**

Отсутствие научной значимости.]

– реализация альтернативной процедуры разрешения внешнеэкономических споров на высоком профессиональном уровне, посредством обращения к услугам независимых узкоспециализированных и компетентных экспертов; [**Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]**

– факультативное использование путем указания на то в соглашении об арбитраже иных альтернативных способов разрешения споров, с учетом законодательных предписаний и максимизации окончательного эффекта урегулирования конфликта во внесудебном порядке. [**Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания. Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]**

2. Обосновано, что проанализированный опыт древних цивилизаций, исторически характеризовавшихся высоким уровнем правовой культуры и развития правовой системы, предопределил закономерности и созидательные перспективные для современных экономических реалий тенденции развития института арбитражного соглашения, ставшие предметом исследования. Среди них: усиление принципов гибкости и автономии воли сторон, возрастание значения гибридных форм арбитража с такими методами разрешения споров, как медиация, переговоры, посредничество, коррекция принципиально-правовых основ национальной регламентации международного коммерческого арбитража с учетом необ-

ходимости рецепции унифицированных ВТО принципов разрешения споров, популяризация онлайн-арбитража как следствие подотраслевого развития *lex mercatoria* через институт *lex electronica* и др. [Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.

Вызывающие удивление утверждения: неужели именно «*опыт древних цивилизаций*» предопределил закономерности и тенденции развития института арбитражного соглашения? Что это значит? Может, просто банальнейшее утверждение «Все берет начало в прошлом»?

И неужели можно всерьез говорить о том, что именно «*опыт древних цивилизаций*» предопределил «*популяризацию онлайн-арбитража как следствие подотраслевого развития lex mercatoria через институт lex electronica*»? А также «*коррекцию принципиально-правовых основ национальной регламентации международного коммерческого арбитража с учетом необходимости рецепции унифицированных ВТО принципов разрешения споров*»? Полное отсутствие научной значимости.]

3. На основе компаративного SWOT-анализа деятельности МКАС доказано, что важнейшим фактором национальной инвестиционной привлекательности и увеличения инвестиционной активности со стороны иностранных инвесторов является действенная система обеспечения имущественных прав иностранных инвесторов и их инвестиций через повышение эффективности судебной системы посредством развития негосударственных форм разрешения инвестиционных споров, споров, возникающих в связи с возникновением новейших сложных форм хозяйственных взаимоотношений, непосредственно не регламентирующихся позитивным правом, и детализация инвестиционного регулирования при помощи договорных правовых механизмов соглашения об арбитраже. [Серьезная ошибка: нельзя считать именно «*важнейшим фактором*» именно «*повышение эффективности судебной системы*» и т.д. Последнее – важный фактор, но никак не важнейший. Не менее важны такие факторы, как налоги или отсутствие административных барьеров для доступа на рынки и т.д.

Как «*детализация инвестиционного регулирования*» может осуществляться при помощи «*договорных механизмов соглашения об арбитраже*». Это совершенно разные вещи. Вторые широко известны и весьма тщательно проработаны. Как они сами по себе могут содействовать именно «*детализации инвестиционного регулирования*»?

Невнимательность к терминологии: «*договорные правовые механизмы соглашения об арбитраже*». Все равно что сказать «*договорные механизмы договора*».

Далее, что такое SWOT-анализ? Это метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации и разделении их на четыре категории:

- Strengths (сильные стороны);
- Weaknesses (слабые стороны);
- Opportunities (возможности);
- Threats (угрозы).

Сильные (S) и слабые (W) стороны являются факторами внутренней среды объекта анализа (т.е. тем, на что сам объект способен повлиять); возможности (O) и угрозы (T) являются факторами внешней среды (т.е. тем, что может повлиять на объект извне и при этом им не контролируется)³.

Из этого вытекает, что автор не понимает смысла SWOT-анализа и делает методологическую ошибку: сначала она утверждает об использовании ею SWOT-анализа в отношении

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/SWOT-анализ>

МКАС (видимо, при ТПП РФ), а затем вместо выводов в отношении именно самого МКАС делает далеко идущие утверждения применительно уже к системе обеспечения имущественных прав иностранных инвесторов, судебной системе, негосударственным формам разрешения инвестиционных споров. Между тем такие системы и формы могут выступать отдельными объектами SWOT-анализа, в ходе которого МКАС при ТПП РФ может включаться в любую из четырех категорий (S, W, O, T). Как можно итоги SWOT-анализа одной из частей более общего экстраполировать на такое более общее? Это грубая методологическая ошибка.

В остальном: нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания; тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Все эти вещи и так очевидны.

Наконец, увидев слова «*компаративный SWOT-анализ деятельности МКАС*», я не мог не изучить в этом отношении и саму диссертацию автора. Как я и ожидал, никакого SWOT-анализа в отношении МКАС там нет. И тем более «компаративного». Зато есть наивные и абстрактные рассуждения, демонстрирующие, что автор просто не понимает, что такое МКАС и его деятельность. [Отсутствие научной значимости.]

4. Выявлены объективные факторы правового характера, препятствующие обращению к МКАС при ТПП РФ для разрешения трансграничных торговых и инвестиционных споров. Во-первых, российское процессуальное право не отражает специфики инвестиционных споров, устанавливая тождественный правовой режим урегулирования инвестиционных споров наряду со всеми остальными категориями хозяйственных споров, что противоречит международной практике. Во-вторых, Регламент МКАС при ТПП РФ не приспособлен к разрешению инвестиционных споров *sensu stricto* (лат. — в узком смысле), что влечет за собой множественные отказы вследствие неудачных, а иногда и неправомерных арбитражных оговорок. В-третьих, ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» содержит существенное внутреннее противоречие, связанное с компетенцией арбитражного органа по разрешению инвестиционных споров, влекущее отказ арбитража в принятии спора к рассмотрению. В-четвертых, в соответствии со спецификой исполнения решений МКАС на территории РФ он не принимает никаких мер к принудительному исполнению своих решений, что создает риск непринятия государственным арбитражным судом мер к принудительному исполнению решения иностранного арбитража. [Автор берется рассуждать о вопросах, которыми на практике, в том числе в МКАС, не занималась и в которых не разбирается.]

Утверждение автора о том, что в плане препятствий обращений в МКАС при ТПП РФ «*российское процессуальное право не отражает специфики инвестиционных споров, устанавливая тождественный правовой режим урегулирования инвестиционных споров наряду со всеми остальными категориями хозяйственных споров, что противоречит международной практике*», является некорректным и даже бессмысленным. В процессуальном праве России нет ничего, что препятствовало бы обращениям к МКАС при ТПП РФ по таким спорам. Автор использует неверный методологический подход: «Надо принять новый закон — и все наладится!» (см. выше с. 439). Но здесь явно не тот случай.

Некорректно и утверждение о том, что «*Регламент МКАС при ТПП РФ не приспособлен к разрешению инвестиционных споров sensu stricto (лат. — в узком смысле), что влечет за собой множественные отказы вследствие неудачных, а иногда и неправомерных арбитражных оговорок*». Если оговорки неудачны или неправомерны, то при чем тут Регламент МКАС?

Далее, Регламент МКАС и не создавался для разрешения инвестиционных споров *sensu stricto*: эта цель не преследовалась. Однако он вполне мог использоваться (и использовался) для рассмотрения таких споров.

В Федеральном законе от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» имеется только одно положение по поводу арбитража. Его ст. 10 «Гарантия обеспечения надлежащего разрешения спора, возникшего в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации иностранным инвестором» предусматривает: *«Спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)»*. Каким образом автор делает вывод, начинающийся со слов *«В-третьих»*, — просто необъяснимо.

Последнее же утверждение автора (*«В-четвертых...»*) просто безграмотно. Согласно закону МКАС и не может принимать такие меры. И как из этого может следовать *«риск непринятия государственным арбитражным судом мер к принудительному исполнению решения уже «иностранного арбитража»?* Автор, видимо, не понимает вопросы, о которых пишет. **Отсутствие научной значимости.]**

5. С целью формирования гармоничного интернационального правового регулирования сферы международных коммерческих отношений на основании сопоставительного анализа доктринальных концепций, а также российских, иностранных и международных правовых актов и арбитражных регламентов высказаны предложения по унификации терминов арбитражного соглашения. **[Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.**

Предложения не представлены. Просто констатация сделанного сама по себе не может иметь места среди тех тезисов, которые должны быть изложены в автореферате: необходимо представить итоги сделанного. Перенос акцента с итогов на процесс («автор трудился») — не наука. Наука — не армия, чтобы делать упор на службе (процессе работы).

Отсутствие научной значимости.]

В сопоставительном анализе определены обусловленность законодательного закрепления, теоретическая и практическая частноправовые области применения таких терминов, как: «примирение», «соглашение» и «посредничество»; «коммерческий спор» и «коммерческий конфликт»; «государственный арбитражный суд», «третейский суд» и «коммерческий арбитражный суд»; «приватность» и «конфиденциальность» арбитража; «решение международного коммерческого арбитражного суда» и понятие его окончательности. **[Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.**

Итоги анализа не представлены (см. комментарий к предыдущему абзацу).

Странная терминология: «обусловленность законодательного закрепления» (обусловленность чем?).

И неужели автор всерьез предлагает законодательно закрепить такие термины, как «коммерческий конфликт» или «коммерческий арбитражный суд»? Отсутствие научной значимости.]

6. Доказано, что процедурный подход к юридической природе международного коммерческого арбитража как альтернативного метода разрешения споров (АМРС) является неверным, так как соглашение об арбитраже не простая разновидность материального закрепления волеизъявления сторон об АМРС, а по сути своей — отказ от юрисдикции государства в отличие от соглашения об АМРС, имеющего целью примирение — упорядочивание либо досудебной, либо «доарбитражной» деятельности по разрешению правового конфликта. **[Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.**

Неверно говорить, что соглашение, имеющее целью примирение, не подразумевает отказа от юрисдикции государства. Как же быть, например, с ч. 1 ст. 4 «Применение процедуры медиации при рассмотрении спора судом или третейским судом» Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» («1. В случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права»). Где тут кардинальные отличия от п. 3 ст. II Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. («3. Суд Договаривающегося Государства, если к нему поступает иск по вопросу, по которому стороны заключили соглашение, предусматриваемое настоящей статьей, должен, по просьбе одной из сторон, направить стороны в арбитраж, если не найдет, что упомянутое соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено»)?

Определение «примирения» как «упорядочивания либо досудебной, либо „доарбитражной“ деятельности по разрешению правового конфликта»: слишком невнятная формулировка, к тому же делающая акцент не на том, ведь упорядочивать можно по-разному. Смысл примирения не в «упорядочивании деятельности», а в самом по себе разрешении правового конфликта на основе соответствующих принципов (добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость примирителя и т.д.).

По сути автор заявляет лишь о том, что арбитражное соглашение — институт материального права, а не процессуального. Но что в этом нового с точки зрения науки? Ничего, это уже много раз обсуждалась.

Более того, автор утверждает, что «процедурный подход к юридической природе международного коммерческого арбитража» является неверным ввиду того, что арбитражное соглашение — институт материального права. Но это грубая методологическая ошибка — сводить международный коммерческий арбитраж к арбитражному соглашению. Даже если считать последнее институтом только материального права, это не может лишать международный коммерческий арбитраж свойств процедуры. Сегодня п. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» предусматривает: «*арбитраж (третейское разбирательство) — процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)*»;». Если автор утверждает, что арбитраж через призму процесса (процедуры) рассматривать нельзя, то это говорит лишь об ограниченности объема его познаний, а не о природе арбитража.

Отсутствие научной значимости.]

Исследована основная особенность правовой природы арбитражного соглашения как особой разновидности материальных договоров, которая определяется через основанный на принципе свободы договора эффект его воздействия на волю и действия юрисдикционных органов в области процессуального права, редко демонстрирующих такого рода диспозитивность в действиях лиц в отличие от права материального, в котором господствует принцип частной автономии и автономии сторон. [Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.]

Ошибочная формулировка: «особенность правовой природы арбитражного соглашения... определяется через основанный на принципе свободы договора эффект его воздействия...». То есть особенность правовой природы арбитражного соглашения состоит не в «эффекте его воздействия», а «определяется через эффект».

И еще одна некорректная формулировка: оказывается, юрисдикционные органы редко демонстрируют диспозитивность. Диспозитивность можно демонстрировать? Кроме того, ее можно демонстрировать не где-нибудь, а именно «в действиях лиц»?

И что нового тем самым открыла автор? Дерогационный эффект арбитражного соглашения? Но о нем известно уже давным-давно.

Наконец, некорректно утверждать, что в материальном праве господствует принцип частной автономии и автономии сторон. Да, он превалирует, но только в частном материальном праве. А помимо него есть и иные сферы материального права. [Отсутствие научной значимости.]

7. Доказано, что законодатель необоснованно ввел в оборот такое основание недействительности третейского соглашения, как наличие в договоре медиативной оговорки. При недостижении соглашения в процедуре медиации возможность подписания между сторонами нового третейского соглашения маловероятна. Таким образом, п. 5 ст. 5 и п. 2, 3 ст. 6.1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» содержат необоснованное ограничение компетенции третейского суда. Если в договоре имеется и третейская оговорка, и медиативная оговорка, то единственным способом урегулирования спора для сторон остается процедура медиации, которая в данном случае теряет добровольный характер, что не соотносится с правовой природой процедуры медиации. Таким образом, законодательная фиксация конкуренции альтернативных оговорок усложняет и затягивает разрешение конфликта, а также противоречит гибкому подходу как основной перспективной тенденции развития правового обеспечения альтернативного разрешения коммерческих споров в условиях современного хозяйствования. [Все эти утверждения просто неверны, так как автор не разобралась в простых вещах, не поняла положения законов, проявив тем самым свою разностороннюю неграмотность, к сожалению.]

Действительно, п. 5 ст. 5 «Передача спора на разрешение третейского суда» Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» предусматривает: «5. Спор не может быть передан на разрешение третейского суда при наличии в договоре медиативной оговорки».

Но его нельзя рассматривать в отрыве от ч. 1 ст. 4 «Применение процедуры медиации при рассмотрении спора судом или третейским судом» Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», которая устанавливает: «1. В случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права». При этом важно понимать, что приведенный выше п. 5 ст. 5 был введен в Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)“».

Таким образом, законодатель не вводил «необоснованно... в оборот такое основание недействительности третейского соглашения, как наличие в договоре медиативной оговорки».

И почему автор пишет именно о недействительности третейского соглашения? Необъяснимо.

Далее, п. 2 и п. 3 ст. 6¹ «Применение процедуры медиации к спору, который находится на разрешении в третейском суде» Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» предусматривают: «2. В случае принятия сторонами решения о проведении процедуры медиации любая из сторон вправе заявить третейскому суду соответствующее ходатайство. При этом стороны должны представить суду соглашение о проведении процедуры медиации, заключенное в письменной форме и соответствующее требованиям, предусмотренным Федеральным законом „Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)“».

3. В случае, если третейскому суду представлено соглашение, указанное в пункте 2 настоящей статьи, суд выносит определение о проведении сторонами процедуры медиации».

В этих положениях нет ничего, что содержало бы «необоснованное ограничение компетенции третейского суда».

Утверждение о том, что «Если в договоре имеется и третейская оговорка, и медиативная оговорка, то единственным способом урегулирования спора для сторон остается процедура медиации, которая в данном случае теряет добровольный характер, что не соотносится с правовой природой процедуры медиации», — абсолютно неверное. Добровольный характер медиации никуда не пропадает, а возможность обращения к третейскому суду после того, как медиация завершилась неудачей, не исчезает.

Последнее утверждение автора также неверно. Более того, оно методологически и логически противоречит его же утверждениям, приведенным ниже в п. 8. Отсутствие научной значимости.]

8. Определены и обоснованы юридические преимущества мультимодальных оговорок как способов договорной фиксации и реализации принципа гибкого разрешения внешнеэкономического спора в конструировании преарбитражного этапа при максимальной адаптации процедуры к потребностям сторон и особенностям бизнеса. [Результаты анализа не представлены. Просто констатация сделанного сама по себе не может иметь места среди тех тезисов, которые должны быть изложены в автореферате: необходимо представить итоги сделанного. Перенос акцента с итогов на процесс («автор трудился») — не наука. Наука — не армия, чтобы делать упор на службе (процессе работы).

В остальном: банальное утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]

Доказано, что дефектом арбитражного соглашения не следует считать намеренное совмещение нескольких механизмов разрешения спора и квалифицировать включение альтернативной оговорки как несогласованность воли сторон в отношении компетентного арбитражного института, а также применение опционной оговорки как несогласованность предмета вследствие отсутствия явно выраженной воли сторон на рассмотрении дела в арбитражном порядке и невыполнения дерогационной функции соглашения. [Тезис заслуживает внимания, но только применительно к российским реалиям международного коммерческого арбитража, а не вообще, как это сформулировала автор.

В остальном: банальное утверждение. Отсутствие научной значимости.]

Обоснованы риски возможных негативных юридических последствий, идущих вразрез процедурным и принципиальным основам международного коммерческого арбитража вследствие применения альтернативных и опционных арбитражных оговорок. Среди них риски: 1) от применения компромиссной возможности выбора арбитража по принципу «first come — first served» для альтернативной оговорки; 2) нарушения гражданско-

правового принципа равноправия сторон договорных отношений. [Что такое «обосновать риски»? Оправдать их? Но далее говорится об ином: «вразрез». Видимо, речь должна идти о выявлении рисков?

Но зачем в качестве тезиса для защиты ссылаться на то, что риски выявлены, и просто перечислять их, когда эти риски очевидны и лежат на поверхности? Ничего научно нового в этом утверждении нет.

Правильно: «вразрез с... основами».

В остальном: банальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]

9. Доказано, что включение в арбитражное соглашение условия о разрешении споров в порядке онлайн-арбитража способствует развитию *lex electronica* как производной *lex mercatoria* в русле эволюции лояльного делового оборота и его изменяющихся потребностей. [Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Это и так очевидно. Представляется, что «доказать» здесь что-то серьезное не получилось.

И что такое «лояльный деловой оборот»? Лояльный к кому / чему? Отсутствие научной значимости.] В обратной взаимосвязи, нивелируя изменчивость национальных законодательств, противоречивость коллизионных норм и связанную с этим нестабильность практики разрешения споров, *lex electronica* влияет на развитие внутрисетевых («online») арбитражей, адаптивная природа которых способствует урегулированию конфликтов в сфере электронной коммерции с существенно большей эффективностью, нежели другие формы разрешения споров, в том числе государственное судопроизводство. [Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.

Банальное, тривиальное утверждение по типу «действие влечет противодействие». Отсутствие научной новизны.

Считать, что *online*-арбитраж – это внутрисетевой арбитраж, в корне неверно. Это различные категории, которые могут и не пересекаться.

Непонятно, почему об *online*-арбитраже говорится только в отношении сферы электронной коммерции: возможности этого арбитража несравненно шире.

Вопросы, затронутые в этих утверждениях автора, крайне важны, но итоги поиска ответов на них следовало бы представлять совсем иначе, а не так, как сделала автор.

Отсутствие научной значимости.]

10. Обоснован вывод о том, что запрет перехода прав по арбитражной оговорке при цессии по обязательству не соответствует принципам свободы экономического оборота и автономии воли сторон, которые предполагают осуществление участниками такого оборота отношений, основанных на равенстве и взаимной выгоде, исключая ущемление прав третьих лиц. [Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Это и так очевидно. Отсутствие научной значимости.]

Доказано единство материально-правовых и процессуальных прав в случае цессии и недопустимости расширительного толкования положений доктрины автономности арбитражной оговорки. [Тривиальное утверждение. Отсутствие научной новизны. Доказывать тут было нечего.

Странное и непонятное утверждение: «единство материально-правовых и процессуальных прав в случае... недопустимости расширительного толкования положений доктрины авто-

номности арбитражной оговорки». Что автор имел в виду? Как известно, допустимость перехода прав по арбитражному соглашению при сессии может базироваться именно на расширительном толковании указанной доктрины. Почему тогда говорится о недопустимости ее расширительного толкования? Отсутствие научной значимости.]

11. Доказана необходимость паритетного взаимодействия государственного арбитражного суда и международного коммерческого арбитража, обусловленная: невозможностью ограничения государственным механизмом регулирования современных международных хозяйственных отношений; признанным деловой практикой устранением правового вакуума посредством концепции *lex mercatoria*; двойственным значением негосударственного механизма регулирования, имеющего как вспомогательное значение, так в определенных случаях и основное значение по отношению к государственному; целесообразностью совместного применения государственного и негосударственного регулирования к регулированию трансграничных предпринимательских отношений. **[На рочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания. Банальные утверждения. Отсутствие научной новизны.]**

Дублирование соображений: сначала говорится о «паритетном взаимодействии», а потом о «целесообразности совместного применения государственного и негосударственного регулирования».

Стилистическая ошибка: «применения... регулирования к регулированию...». Отсутствие научной значимости.]

12. Исследованы проблемы прагматической реализации принципа автономии воли сторон арбитражного соглашения посредством применения *anti-suit injunction* – судебного запрета предъявления иска и «*lex mercatoria*» – транснационального торгового права. **[Результаты исследования не представлены. Просто констатация сделанного сама по себе не может иметь места среди тех тезисов, которые должны быть изложены в автореферате: необходимо представить итоги сделанного. Перенос акцента с итогов на процесс («автор трудился») – не наука. Наука – не армия, чтобы делать упор на службе (процессе работы).]**

Крайне странное утверждение: «реализация принципа автономии воли сторон арбитражного соглашения посредством применения *anti-suit injunction* – судебного запрета предъявления иска». Неужели у принципа автономии воли реально имеется такая «прагматическая реализация»: «посредством применения *anti-suit injunction*»?

Отсутствие научной значимости.]

Доказано, что полноценному функциональному развитию принципа автономии воли сторон будет способствовать запрет применения *anti-suit injunction*, установленный на универсальном унифицированном уровне в Типовом законе ЮНСИТРАЛ. **[Вот прямо так и «доказано»?**

Утверждение можно понять так, что в Типовом законе ЮНСИТРАЛ (кстати, а в каком именно?) уже имеется указанный запрет. Но это неверно.

Если же считать, что автор всерьез предлагает ввести подобный запрет в Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, то это говорит лишь о ее наивности и непонимании того, что такое данный Типовой закон, равно как и того, что такое *anti-suit injunctions*. Это не наука, а недоразумение.]

Доказано, что в случае выбора сторонами в качестве применимого права принципов *lex mercatoria* или одного из документов, претендующих на обобщение принципов МЧП (например, УНИДРУА), решение арбитров не обращаться при разрешении спора к опре-

деленному национальному праву является абсолютно правомерным и не может повлечь возможности отмены их решения по делу или отказа в принудительном его исполнении. **[Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Это утверждается уже давно, что тут доказывать?]**

И совсем неверно утверждать, что документы УНИДРУА «pretendуют на обобщение принципов МЧП»: это просто абсурд. Отсутствие научной значимости.]

13. В результате дифференцированного исследования функционального назначения принципов ВТО в качестве фундаментальных начал, подлежащих рецепции в правовое обеспечение международного коммерческого арбитража, обоснована и предложена дихотомия на базовые принципы деятельности и юридические принципы организации.

К базовым принципам деятельности ВТО следует относить: принцип недискриминации, принцип взаимных уступок, принцип обязательности исполнения принятых на себя обязательств, принцип прозрачности и принцип «предохранительного клапана».

К юридическим принципам ВТО следует относить: принцип добросовестности; принцип надлежащей правовой процедуры; принцип пропорциональности; принцип особого и дифференцированного подхода; принцип эстоппель; принцип экономичности правосудия; принцип не воспрепятствования интересам третьих лиц; принцип профессионализма и незаинтересованности арбитра; принцип конфиденциальности; принцип приоритета мирного урегулирования споров. **[Все эти утверждения не имеют прямого отношения к арбитражным соглашениям. Они скорее относятся к иной специальности, а именно к специальности 12.00.10 «Международное право; Европейское право».]**

Использование термина «базовые принципы деятельности ВТО» в данном случае совершенно некорректно: в рассматриваемом контексте речь должна идти о базовых принципах деятельности членов ВТО, а не самой ВТО.

При этом то, что называется «юридическими принципами ВТО», также относится и к базовым принципам деятельности членов ВТО, например принцип добросовестности, принцип пропорциональности, принцип особого и дифференцированного подхода, принцип эстоппель.

Совершенно непонятно, что имеется в виду под «принципом конфиденциальности», учитывая, что деятельность ВТО как раз направлена в конечном счете на обеспечение транспарентности в международной торговле.

И уж тем более вызывает недоумение указание на «*принцип приоритета мирного урегулирования споров*»: можно подумать, что помимо него право ВТО признает еще и неприоритетные варианты немирного урегулирования споров. **Отсутствие научной значимости.]**

14. Представлена иллюстрация качественной имплементации принципов ВТО на примере функционирования, правового обеспечения и судебной практики Лондонского суда международного арбитража, Международного арбитражного суда в Париже ИСС как авторитетных институциональных международных коммерческих арбитражей государств-членов ВТО. В сопоставительном анализе, основанном на необходимости закрепления и правоприменения, выявлены юридические принципы ВТО в регламентации МКАС при ТПП РФ. **[Результаты исследования не представлены. Просто констатация сделанного сама по себе не может иметь места среди тех тезисов, которые должны быть изложены в автореферате: необходимо представить итоги сделанного. Перенос акцента с итогов на процесс («автор трудился») – не наука. Наука – не армия, чтобы делать упор на службе (процессе работы).]**

Странное выражение: «сопоставительный анализ, основанный на необходимости закрепления и правоприменения». Что это значит?

Автор глубоко заблуждается: в регламентации МКАС выявить юридические принципы ВТО нельзя. То, что правила, распространяющиеся на МКАС и на ВТО, могут основываться на неких общих началах, не дает повода утверждать, что первые основаны на вторых. С равным успехом автор могла выявлять «юридические принципы ООН» или «юридические принципы ЮНКТАД» и потом бездумно «распространять» их на различные арбитражные центры.

Изучение диссертации показало, что автор совершенно механически и искусственно «притянула за уши» принципы ВТО к упомянутым арбитражным центрам. Автор допустила смешение несмешиваемого, и в итоге получился неудобоваримый коктейль с массой описательных, некорректных и даже беспомощных утверждений.

На с. 374 своей диссертации автор утверждает: *«Деятельность LCIA регулируется Арбитражным регламентом, действующая редакция которого вступила в силу в 1998 году»*. Автор и не подозревает о существовании Регламента 2014 г. А вот как автор представляет имплементацию одного из принципов ВТО в деятельности LCIA: *«Исходя из принципа пропорциональности определены издержки в окончательном решении по делу № UN3467 от 01.07.2004: на ответчика возложена обязанность выплатить 55% процессуальных расходов, а на истца — 45%»* (с. 383 диссертации). Ничего, кроме улыбки, такой метод автора вызывать не может.

Еще пример того, как автор представляет себе принципы ВТО в деятельности МКАС: *«...в Регламенте МКАС при ТПП РФ косвенно закреплён режим наибольшего благоприятствования по отношению к другой стороне, согласно которому не допускается умышленное сокрытие важных для дела обстоятельств»* (с. 395 диссертации). Это все, что нужно знать об уровне подготовки автора в вопросах права ВТО и арбитража.

Полное отсутствие научной значимости.] Установленное фактологическое подтверждение того, что многие международно-правовые договоры имеют долгосрочный характер и экономические реалии, при которых были достигнуты соответствующие соглашения сторон, со временем могут измениться или приобрести для них новое значение **[Банальнейшее утверждение. Отсутствие научной новизны. Отсутствие научной значимости.]**, позволило сделать вывод о том, что принцип эволюционного толкования должен занять достойное место в Регламенте МКАС при ТПП РФ. **[Бездумное утверждение. Автор не понимает, что такое Регламент МКАС. С равным успехом автор могла предложить включить в Регламент МКАС «принцип систематического» или «принцип телеологического толкования».** Полное отсутствие научной значимости.]

15. В контексте исследования основополагающих тенденций развития института арбитражного соглашения выявлены причинно-следственная связь и обусловленность необходимости развития и усовершенствования средств и правовых механизмов, способствующих увеличению роли альтернативных методов разрешения споров над государственными методами. **[Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.**

Результаты исследования не представлены. Просто констатация сделанного сама по себе не может иметь места среди тех тезисов, которые должны быть изложены в автореферате: необходимо представить итоги сделанного. Перенос акцента с итогов на процесс («автор трудился») — не наука. Наука — не армия, чтобы делать упор на службе (процессе работы).

Говорится об «обусловленности», но не указывается на то, что обуславливает.

Отсутствие научной значимости.] Установлены перспективы и мотивы ограничения необходимости и сокращения пределов участия государства в вопросах урегулирования спорных внешнеэкономических отношений в процессе реализации соглашения об арбитраже. **[Перспективы и мотивы не представлены (см. комментарий к предыдущему пред-**

ложению).] Законодательное закрепление в качестве критерия арбитрабельности споров в России гражданско-правового характера отношений, из которых они возникают, является чрезмерно общей формулировкой, не отвечающей требованиям конкретики, предъявляемым к предмету арбитражного соглашения. Особенно в части не раскрытого понятия «иных гражданско-правовых отношений». [Насколько отважное, настолько же и безграмотное утверждение. Автор просто не понимает, что ставить таким образом вопрос об арбитрабельности и вопрос о предмете арбитражного соглашения нельзя. Отсутствие научной значимости.]

Общий вывод: тезисы производят удручающее впечатление. Автор специально использовала нарочито усложненный язык, на деле маскирующий отсутствие содержания. Автор еще продемонстрировала непонимание того, что такое в современных условиях арбитраж, в том числе применительно к МКАС при ТПП РФ.

У тезисов полностью отсутствует научная новизна и научная значимость.

Их поддержка со стороны научного консультанта, официальных оппонентов и ведущей организации (а также со стороны большинства членов диссертационных советов, которые эти тезисы были обязаны изучить) свидетельствует среди прочего об их научной неразборчивости и (или) недостаточной компетентности в соответствующей проблематике. Следует отметить то, что обладающие докторскими степенями заслуженные юристы, понимая, что работа откровенно некачественная, тем не менее бесцеремонно добивались ее защиты. При этом нельзя не упомянуть о принципиальной позиции отдельных уважаемых цивилистов-международников, которые пытались (хотя и, к сожалению, безуспешно) не допустить подобной недостойной акции по девальвации докторской степени в сфере международного коммерческого арбитража.

Князева Любовь Викторовна. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в США.

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2015.

Диссертация выполнена на кафедре гражданского и трудового права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент Ермакова Елена Петровна.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, заведующая отделом гражданского законодательства зарубежных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Семилютина Наталья Геннадьевна; кандидат юридических наук, профессор, заместитель директора по правовым вопросам Автономной некоммерческой организации «Независимая арбитражная палата» Савранский Михаил Юрьевич.

Ведущая организация: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Защита диссертации состоится «3» июня 2015 года в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.203.36 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (НБ) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

<...>

Основные выводы, конкретизирующие научную новизну исследования, отражены в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Обосновано, что в США формирование законодательства в сфере признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений является компетенцией штатов. Соответственно заявление истца о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения может быть подано исключительно в суд штата, а не в федеральный суд. Судебная процедура проходит в соответствии с подзаконными актами – Правилами гражданского судопроизводства штата (например, в штате Нью-Йорк – *Civil Practice Law and Rules of New York 1938*).

Напротив, формирование законодательства в сфере признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений является компетенцией Федерации. Соответственно заявление истца может быть подано, как в федеральный районный суд, так и в суд штата. Однако судебная процедура в любом случае будет проходить в соответствии с Федеральными Правилами гражданского судопроизводства для районных судов США 1938 г. (*Rules of Civil Procedure for the United States District Courts 1938*). [Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе. Отсутствие научной значимости.]

2. Доказано, что в США процесс унификации правового регулирования процедуры признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений еще не завершен. Это выражается:

- в отсутствии единого унифицированного источника международного уровня;
- в отсутствии единого источника федерального уровня;
- в том, что Единообразный Закон США о признании иностранных решений о взыскании денежных средств 1962 г. носит лишь рекомендательный характер. При этом в 30 штатах на основе Единообразного закона 1962 г. были приняты соответствующие законы штатов, а в остальных штатах таких законов принято не было;
- в том, что Единообразный закон 1962 г. не затрагивает целую сферу правоотношений, касающихся: а) споров в области налоговых отношений (*tax assessment*); б) споров в области семейных отношений (*domestic relations*); в) споров, в области штрафных санкций (*penalties*); г) споров в области алиментных обязательств (*maintenance obligations*).

При отсутствии унифицированного регулирования суды отдельных штатов США изменяют законодательство по аналогии. Кроме того, штаты США наделены правом самостоятельно заключать двусторонние договоры с иностранными государствами об установлении и принудительном исполнении обязательств в области семейного права.

Иначе дело обстоит с источниками института признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. В этой области существуют как унифицированные

международные источники, так и источники федерального уровня (Федеральный Арбитражный Акт 1925 г.) и уровня штатов. [Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «доказать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе.]

Почему автор считает, что в США идет «процесс унификации правового регулирования процедуры признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений», который еще не завершен? Это совершенно не так.

Что значат слова «Единообразный Закон США о признании иностранных решений о взыскании денежных средств 1962 г. носит лишь рекомендательный характер»? Автор считает, что может быть иначе? Тогда она не понимает природу таких документов. «*It is simply a legislative proposal addressed to fifty state legislatures*» (<https://www.law.cornell.edu/uniform>).

Что значат слова «Единообразный закон 1962 г. не затрагивает целую сферу правоотношений, касающихся: а) споров в области налоговых отношений (*tax assessment*); б) споров в области семейных отношений (*domestic relations*); в) споров, в области штрафных санкций (*penalties*); г) споров в области алиментных обязательств (*maintenance obligations*)»? Автор считает, что должно быть иначе? Тогда она не понимает природу данного документа.

Почему не упомянут *Uniform Foreign-Country Money Judgments Recognition Act (2005)*? [Отсутствие научной значимости.]

3. Обосновано, что в США существует 2 различные процедуры признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений:

а) по общему праву – процедура упрощенного производства (*summary procedure for action in debt*) и

б) по статутному праву – процедура регистрации иностранного судебного решения в американском суде (*registration of a foreign judgement*). Наличие двух самостоятельных процедур является несомненной особенностью признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в США. Причем, в случае отсутствия в штате Закона о признании иностранных решений о взыскании денежных средств (принятого на основании Единообразного Закона 1962 г.) иск может быть подан по общему праву. [Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе. Отсутствие научной значимости.]

4. Доказано, что согласно общему праву США у стороны, выигравшей арбитражный спор, имеется возможность испрашивать признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения как оно есть, либо получить иностранное судебное решение о взыскании денежных средств. В последнем случае выигравшая арбитражный спор сторона должна подтвердить арбитражное решение (по предмету спора) в государственном суде в стране места проведения арбитража или в государственном суде страны, указанной в арбитражном соглашении, и получить решение государственного суда о присуждении соответствующей денежной суммы. После чего возможно уже приведение в исполнение иностранного судебного решения в соответствии с правом штатов. [Что означают слова «сторона должна подтвердить арбитражное решение (по предмету спора)

в государственном суде... и получить решение государственного суда)? Это какая-то новая процедура «подтверждения арбитражного решения»?

И это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «доказать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе. Отсутствие научной значимости.]

Обосновано, что указанная возможность должна использоваться сторонами в целях формирования своей позиции, а также тактики защиты своих интересов по делу. **[Это не научный тезис, а банальное прагматическое соображение.]**

5. Выявлено, что в соответствии с положением «о признании и доверии» (*full faith and credit*), содержащемся в разделе I ст. IV Конституции США 1787 г. судебные решения, вынесенные федеральными судами или судом иного штата, признаются «внешними» по отношению к штату, в суде которого испрашивается признание и приведение в исполнение такого решения, т.е. по сути, решения, вынесенные федеральными судами или судом иного штата, по процедуре признания и приведения в исполнение приравниваются к решениям, принятым иностранным судом. **[Совершенно неаккуратное утверждение, не учитывающее нюансы регулирования данного вопроса в США. Признание судебных решений, вынесенных федеральными судами или судом иного штата, в качестве «внешних» еще не означает, что разницы между ними и иностранными судебными решениями не имеется.**

Более того, данное утверждение не соотносится с названием диссертации.]

6. Обосновано, что обязательным условием признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в штатах Флорида, Джорджия, Айдахо, Массачусетс, Северная Каролина, Огайо и Техас до сих пор является принцип взаимности (*reciprocity*) в той его форме, когда сторона, испрашивающая признание и приведение в исполнение, обязана продемонстрировать конкретные примеры применения принципа reciprocity принимавшим решение иностранным судом. Тогда как остальные штаты применяют более лояльный принцип международной вежливости (*comity*), в соответствии с которым не требуется приводить конкретные доказательства исполнения решений судов США в другой стране.

Таким образом, в США отсутствует единый подход к порядку признания и исполнения иностранных судебных решений, и одно и то же решение в одних штатах может быть признано и исполнено, а в других — нет. **[Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе. Отсутствие научной значимости.]**

7. Выявлено, что, имея возможность принимать собственный закон о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, отличный от рекомендованного текста Единообразного закона 1962 г., некоторые штаты в той или иной степени увеличили количество оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений с трех до девяти⁴. Так, в штате Мериленд статутно закреплено

⁴ Единообразный закон 1962 г. предусматривает 3 обязательных основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений: (1) иностранное судебное решение было принято в юрис-

4 обязательных основания для отказа⁵, а в штатах Джорджия и Массачусетс — все 9. В то время как штат Нью-Йорк, наоборот, оставил лишь 1 обязательное основание для отказа⁶. [Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе.]

Почему не упомянут *Uniform Foreign-Country Money Judgments Recognition Act (2005)*? Отсутствие научной значимости.]

8. Обосновано, что, как правило, решения российских судов, не приводятся в исполнение американскими судами по следующим основаниям:

— отсутствие у российского суда персональной компетенции (суд не обладал компетенцией рассматривать иск, т.к. иск был подан не по месту, где должник имеет свое «присутствие»);

— отсутствие у российского суда предметной компетенции (суд не обладал компетенцией рассматривать предмет иска);

— недолжное уведомление ответчика, domiciliрованного в США, российским судом.

— непринятие российским судом во внимание того факта, что у сторон существует соглашение об альтернативном, внесудебном способе урегулирования спора. [Автору следовало бы формулировать утверждения иначе и могло бы получиться весьма удачно. Сейчас же они производят впечатление слишком тривиальных.]

В этой связи российским физическим и юридическим лицам, имеющим намерение испрашивать в дальнейшем признание и приведение в исполнение российских судебных решений в США, рекомендовано принять указанные основания во внимание. [Это не научный тезис, а банальное прагматическое соображение.]

дикции, не обладающей беспристрастным судом, чьи процедуры не соответствуют мировым стандартам о надлежащей правовой процедуре; (2) иностранный суд не обладал персональной юрисдикцией над ответчиком; (3) иностранный суд не обладал юрисдикцией над предметом иска (материальной юрисдикцией. А также 6 дискреционных: (1) Ответчик не был должным образом и в установленные сроки уведомлен о рассмотрении спора в иностранном суде, что не позволило ему должным образом защитить свои законные интересы; (2) Иностранное судебное решение было получено обманным путем (посредством мошеннических действий). (3) Основание для иска, на котором суд обосновал свою позицию, противоречит государственной политике Соединенных Штатов в целом или конкретного штата в частности; [«Замечательный» перевод термина «the public policy» из раздела 4(b)(3) Закона 1962 г.: «государственная политика». И в этом законе не упоминается публичный порядок США, а говорится только о публичном порядке штата: «A foreign judgment need not be recognized if... the [cause of action] [claim for relief] on which the judgment is based is repugnant to the public policy of this state». Указание на публичный порядок США имеется в ином акте: в *Uniform Foreign-Country Money Judgments Recognition Act (2005)* (sec. 4(c)(3)).] (4) Иностранное судебное решение вступает в противоречие с иным судебным решением, обладающим признаками окончательности и неопровержимости. (5) Судебная процедура по урегулированию спора в иностранном суде противоречит соглашению сторон, в соответствии с которым конкретный предмет спора, должен был быть урегулирован иными методами, чем судебное разбирательство. (6) Суд обладал лишь персональной, но не материальной юрисдикцией, вследствие чего мог стать строго (со всей очевидностью) неподходящим местом для разрешения спора. Увеличение оснований происходит именно за счет перемещения тех или иных дискреционных оснований в список обязательных.

⁵ Закон о признании штата Мериленд перемещает такое основание как исключение мошенничества во время судебного производства в иностранном суде из категории дискреционных оснований в категорию обязательных.

⁶ Закон о признании штата Нью-Йорк 1962 года считает отсутствие компетенции иностранного государства всего лишь дискреционным основанием для непризнания

9. Выявлено, что истец может инициировать процедуру признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения на основании положений трех глав Федерального Арбитражного Акта (§ 9, § 207, § 304 Федерального Арбитражного Акта), используя одну из двух процедур:

1 процедура: Признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения в соответствии с международными правовыми актами, имплементированными в законодательство США (в соответствии с § 207 и § 304 FAA).

2 процедура: Признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения в соответствии с внутренним законодательством США – в соответствии с § 9 FAA.

Обосновано, что выбор стороной спора одной из процедур в момент подачи заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения является окончательным и не подлежит изменению.

Особенностями 1 процедуры являются: а) удлиненный срок обращения за исполнением иностранного арбитражного решения в 3 года с момента его вынесения, б) возможность обращения за исполнением как в федеральный районный суд, так и в суд штата с правом передачи рассмотрения в федеральный районный суд по требованию любой из сторон, в) прямой запрет использования иных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение, за исключением прямо указанных в Нью-Йоркской Конвенции, г) возможность применения данной процедуры в случае, если стороны не оговорили в своем арбитражном соглашении суд, в котором будет осуществляться исполнению указанного решения.

Особенностями 2 процедуры являются: а) укороченный срок обращения за исполнением иностранного арбитражного решения в 1 год с момента его вынесения, б) возможность обращения за исполнением как в федеральный районный суд, так и в суд штата без права передачи рассмотрения в федеральный районный суд по требованию любой из сторон, в) возможность применения судами иных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение, кроме указанных в Нью-Йоркской конвенции, г) невозможность применения данной процедуры, если стороны не оговорили в своем арбитражном соглашении суд, в котором будет осуществляться исполнению указанного решения. **[Это не тезисы, а справочные сведения. Излишняя описательность без необходимого анализа. Просто констатация положения вещей, о котором и так известно. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось. Вся эта информация общедоступна: мы все же живем в информационном веке. Отсутствие научной новизны. Автору следовало формулировать утверждения иначе. Отсутствие научной значимости.]**

Обосновано, что указанные особенности данных процедур могут являться как преимуществами, так и недостатками для обеих сторон спора и должны использоваться сторонами в целях формирования своей позиции, а также тактики защиты своих интересов по делу. **[Это не научный тезис, а банальное прагматическое соображение. Обосновывать тут было нечего.]**

<...>

Общий вывод: попытка автора постараться сделать что-то значимое действительно видна.

Однако она попыталась представить в виде «научных тезисов, обладающих новизной» лишь описание применительно к соответствующему регулированию в США (допустив при этом неточности). Это может быть в определенном плане любопытно, но этого все же мало.

Сегодня уже иное время в плане информационной насыщенности, так что просто описательность в качестве методологического подхода применительно к иностранному праву удовлетворительной быть не может.

Автору следовало формулировать свои тезисы иначе, нужно было избрать иной методологический подход.

Жаль, что научный руководитель, официальные оппоненты и ведущая организация должное внимание на это не обратили.

Зьонг Тхи Тху Хьонг. Гарантии независимости и беспристрастности арбитров в международном коммерческом арбитраже (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам).

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс, арбитражный процесс. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Воронеж, 2016.

Работа выполнена на кафедре гражданского права и процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный университет».

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» Носырева Елена Ивановна.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного публичного и частного права ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Ерпылева Наталия Юрьевна;

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» Севастьянов Глеб Владимирович.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Защита состоится « ____ » _____ 20__ года в ____ часов ____ минут на заседании диссертационного совета Д.002.002.06 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт государства и права Российской академии наук» по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; <http://www.igpran.ru>.

<...>

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения.

1. На основе того, что установление требований к выполнению функций арбитра имеет трехуровневую систему регулирования (закон, арбитражное соглашение и правила постоянно действующего арбитражного учреждения), автор классифицирует требования на три группы: установленные законом; установленные соглашением сторон, и требова-

ния, устанавливаемые правилами постоянно действующего арбитражного учреждения. Требования, установленные законом, в свою очередь, подразделяются на императивные и диспозитивные. Так, в настоящее время по законодательству России императивным является требование о достижении арбитром двадцатипятилетнего возраста, по законодательству Вьетнама – требование о наличии высшего образования и опыта работы не менее 5 лет в сфере полученного образования. Требование к гражданству арбитра является диспозитивным по законодательству России и Вьетнама и может быть согласовано сторонами или найти отражение в правилах арбитражного учреждения.

Предлагаемая классификация позволяет определять пределы автономии воли сторон при установлении требований к арбитрам. **[Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Все это и так очевидно.]**

Классификация общеизвестная, даже весьма примитивная в контексте рассматриваемого вопроса. А вопрос о *soft law*?

Элементарные и ненужные, имеющие справочный характер повторы нормативного регулирования.

Не раскрыто, как приведенные конкретные требования связаны именно с независимостью и беспристрастностью арбитров. Отсутствие научной значимости.]

2. Анализ законодательства России и Вьетнама, регулирующего предъявляемые к арбитрам требования, приводит к выводу о целесообразности выделения специальной нормы, в которой были бы сосредоточены законодательно установленные требования к арбитрам. При этом в законе должны устанавливаться лишь минимальные и действительно необходимые требования к арбитрам (независимость и беспристрастность арбитра, его дееспособность, высшее юридическое образование, запрет определенным лицам выполнять функции арбитра). С учетом договорной природы арбитража установление более высоких требований к арбитрам – прерогатива сторон. В связи с этим вызывает сомнение включение в законодательство таких требований, как наличие ученой степени или продолжительного периода работы в определенной сфере деятельности. **[Любые предложения, каким-либо образом упоминающие об изменении, совершенствовании законов и т.д., не могут иметь никакого отношения к тем научным тезисам, которые должны выноситься диссертантом на защиту. Это не наука (см. выше с. 439–440).]**

В остальном: слишком общие и нераскрытые утверждения. Учитывая российские реалии международного коммерческого арбитража, проблемы, которые они затрагивают, действительно можно было бы представить гораздо более удачно. И уже потом на основе сделанных научных выводов можно было выдвигать отдельные предложения по поводу совершенствования законодательства.

Неподдельное удивление вызывает еще вот что: диссертация была размещена на сайте ИГП РАН 26 апреля 2016 г. В это время уже был принят Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Тогда почему автор пишет о целесообразности выделения *«специальной нормы, в которой были бы сосредоточены законодательно установленные требования к арбитрам»*? А как же быть с уже действовавшей ст. 11 «Избрание (назначение) арбитров» данного Закона?

И почему автор пишет именно о «норме», а не о «нормах»?

Отсутствие научной значимости.]

3. Автором формулируется вывод о том, что независимость и беспристрастность арбитров следует рассматривать как одно требование, состоящее из двух неразрывно связан-

ных между собой элементов. С точки зрения комплекса гарантий невозможно выделить или обеспечить то или другое требование в отдельности. Такие гарантии, как механизм формирования состава арбитров или процедура их отвода, предусмотрены для обеспечения независимости и беспристрастности как единой категории. В то же время предлагаемое понимание данного требования не означает отрицания различного значения терминов беспристрастности и независимости и возможности их самостоятельного применения на практике. [Что означают слова «С точки зрения комплекса гарантий»? Гарантий в отношении чего?

Кроме того, независимость и беспристрастность — состояние субъектов, называть их именно «одним требованием» нельзя.

Неаккуратно сформулированные утверждения: так все же «одно требование» или же термины, применяемые на практике самостоятельно? При этом данные утверждения по сути друг другу противоречат.

Нелогичная и расходящаяся со здравым смыслом характеристика независимости и беспристрастности арбитров как двух неразрывно связанных между собой элементов. На самом деле можно быть полностью независимым, но пристрастным. Равным образом можно быть беспристрастным, но зависимым. Автор, видимо, незнаком с тем, какие реальные ситуации возникают на практике в международном коммерческом арбитраже.

Кстати, п. 1–3 ст. 4 «Общие требования к беспристрастности и независимости третейского судьи» Правил о беспристрастности и независимости третейских судей (утв. приказом ТПП РФ от 27 августа 2010 г. № 39) проводят между независимостью и беспристрастностью четкое различие: «1. С момента принятия полномочий третейского судьи и в ходе всего третейского разбирательства третейский судья должен быть беспристрастен и независим.

2. Третейский судья является беспристрастным, если он прямо или косвенно не заинтересован в исходе дела и не имеет заранее сложившихся предпочтений или иных предубеждений в отношении определенной стороны третейского разбирательства, ее представителя, эксперта, консультанта или свидетеля.

3. Третейский судья является независимым, если отсутствуют такие отношения между третейским судьей и сторонами третейского разбирательства, их представителями, экспертами, консультантами, свидетелями, которые способны повлиять на позицию третейского судьи по делу».

Отсутствие научной значимости.]

4. В связи с возможностью применения процедуры медиации в ходе арбитража в диссертации сформулированы следующие выводы, имеющие значение в аспекте независимости и беспристрастности арбитра: 1) по общему правилу соединение функций медиатора и арбитра в одном лице является недопустимым, поскольку эти функции различаются по своей сути, и арбитру сложно сохранять независимость и беспристрастность после выполнения полномочий медиатора и получения конфиденциальной информации от сторон; 2) как исключение из общего правила, стороны могут договориться об избрании (назначении) медиатора и арбитра в одном лице. При таком совмещении избираемое (назначаемое) лицо должно отвечать законодательным требованиям, предъявляемым, как к арбитрам, так и к медиаторам; 3) соглашение сторон о выполнении полномочий медиатора и арбитра одним лицом применительно к арбитражу означает, что стороны не могут заявлять отвод арбитру по основанию сомнений относительно его беспристрастности и независимости в связи с предыдущим выполнением им функции медиатора (отказ

от права на возражение). [Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Представляется, что «сформулировать» здесь что-то серьезное не получилось. Это и так очевидно и уже неоднократно обсуждалось. Отсутствие научной значимости.]

5. В диссертации предлагается унифицированный подход в случае несогласия одного из арбитров с большинством голосов при принятии решения, который заключается в том, что арбитр обязан подписать решение независимо от формы выражения своего мнения. На практике арбитр может выразить свое мнение в отдельном документе (особое мнение), либо не выражать его в письменной форме. В первой ситуации традиционно и правильно используется подход, в соответствии с которым имеющий особое мнение арбитр обязан подписать решение. Применительно ко второй ситуации с точки зрения законодательства и расхождений практики, как в России, так и во Вьетнаме, остается неясным вопрос о том, должен ли арбитр подписать решение. Автор считает такое различие неоправданным и обосновывает недопустимость отказа арбитра от подписания решения, если он не согласен с мнением большинства, но при этом не составляет особого мнения. Решение может быть подписано не всеми арбитрами только в случае физической невозможности арбитра подписать решение. [Что означают слова «Решение может быть подписано не всеми арбитрами только в случае физической невозможности арбитра подписать решение»? Они крайне неточны. Из-за состояния одного арбитра другой не подписывает?

И в целом это не более чем тривиальные рассуждения.

Вместе с тем, например, в п. 3 § 39 «Содержание решения» Регламента МКАС при ТПП РФ 2005 г. данный вопрос давно уже решен: «3. Если кто-либо из арбитров не может подписать арбитражное решение, Председатель МКАС удостоверяет это обстоятельство с указанием причин отсутствия подписи арбитра».

Более того, предлагается подход, посягающий на свободу арбитра. Как автор представляет себе механизм «недопустимости отказа арбитра от подписания решения, если он не согласен с мнением большинства, но при этом не составляет особого мнения»? Может, предъявить к нему иск?

Отсутствие научной значимости.]

6. Предложено решение возможной на практике ситуации, когда в коллегии из трех арбитров двое имеют особое мнение, отличающееся друг от друга и не совпадающее с мнением председателя состава арбитража. Проблема возникает в случае, если эта ситуация не оговаривается сторонами в соглашении и не предусматривается правилами арбитражного учреждения. Автор обосновывает возможность наделения правом решающего голоса на принятие решения председателя состава арбитража при отсутствии большинства голосов независимо от наличия соглашения сторон или регламента арбитражного учреждения. [Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны.

Какая же это проблема, если, в частности, в п. 2 § 38 «Вынесение решения» Регламента МКАС при ТПП РФ 2005 г. четко говорилось: «2. Решение принимается большинством голосов состава арбитража. Если решение не может быть принято большинством голосов, оно принимается председателем состава арбитража». Неужели предложение распространить этот подход на иные ситуации можно всерьез считать надлежащим тезисом в диссертации? Это ведь опять всего лишь механическое экстраполирование.

Кстати, не вполне понятно, при чем тут гарантии независимости и беспристрастности именно арбитров? Гарантии для председателя третейского суда? Хорошо. Но как же быть с другими арбитрами?

Использован термин *«состав арбитража»*, который с 1 сентября 2016 г. в российском праве корректным не является. Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» *«арбитраж (третейское разбирательство) – процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)»*. «Состава процесса» не бывает. [Отсутствие научной значимости.]

<...>

Общий вывод: слабая и неудачная попытка «диссертационного исследования». Тезисы писались без особой мысли.

Их поддержка со стороны научного руководителя, официальных оппонентов и ведущей организации вызывает сожаление.

Иванова Екатерина Алексеевна. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект.

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2016.

Диссертация выполнена на кафедре гражданского процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет».

Научный руководитель: Загайнова Светлана Константиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», директор научно-образовательного Центра правовых технологий и примирительных процедур (медиации) ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет».

Официальные оппоненты: Борисова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Шеменева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)».

Защита состоится 16 июня 2016 г. в 13.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.282.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет» по адресу: 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» <http://www.usla.ru>.

<...>

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В отличие от распространенных в доктрине цивилистического процесса точек зрения, в соответствии с которыми процессуальное соглашение может заключаться только при наличии правового спора (Н.Г. Елисеев, С.А. Курочкин) или после возбуждения гражданского дела (М.А. Рожкова), в диссертации предложен широкий подход к пониманию процессуального соглашения, который предполагает возможность заключения процессуальных соглашений с момента возникновения материального правоотношения (при отсутствии правового спора), а также начиная с этапа согласования условий договора, когда материальное правоотношение еще не возникло (при разрешении преддоговорных споров). **[Предложение такого «широкого подхода» весьма тривиально. Что в нем научно нового или хотя бы интересного?**

Внутреннее противоречие: сначала отклоняется точка зрения Н.Г. Елисеева и С.А. Курочкина о необходимости наличия правового спора, а потом предлагается считать, что указанное соглашение может заключаться и при наличии преддоговорных споров. Разве они правовыми не являются?

Отсутствие научной значимости.]

2. На основе широкого подхода к пониманию процессуального соглашения сформулировано авторское определение процессуального соглашения, которое предлагается рассматривать как волеизъявление заинтересованных лиц, направленное на выбор формы защиты права (судебная, внесудебная юрисдикционная, внесудебная неюрисдикционная) и (или) порядка урегулирования и (или) разрешения как будущего, так и возникшего правового спора. **[Тривиальные утверждения. Самая простая классификация. Отсутствие научной новизны. Представляется, что «предложить» здесь что-то серьезное не получилось. Если под «авторским определением» понимается некая оригинальность, то ее нет — этими словами лишь маскируется отсутствие содержания.**

И кого понимать под «заинтересованными лицами»? Из п. 7 ниже следует, что это могут быть и государственные судьи. Но тогда о каком «выборе формы защиты права» может идти речь?

Отсутствие научной значимости.]

3. С учетом широкого подхода разработана конструкция процессуального соглашения, включающая такие элементы как специальный предмет соглашения (форма защиты права и (или) порядок урегулирования и (или) разрешения как будущего, так и возникшего правового спора), субъекты (заинтересованные в урегулировании будущего или возникшего спора лица, которые могут не быть субъектами спорного материального правоотношения), форма, наличие процессуального эффекта (прямой или опосредованный). **[Тривиальные утверждения. Элементарная классификация. Отсутствие научной новизны. Представляется, что «разработать» здесь что-то серьезное не получилось. Отсутствие научной значимости.]**

4. Доказано, что процессуальные соглашения по выбору формы защиты права (судебной, внесудебной юрисдикционной, внесудебное неюрисдикционной) и по определению порядка урегулирования и (или) разрешения будущего или возникшего правового спора влекут разные правовые последствия. **[Тривиальные утверждения. Отсутствие на-**

учной новизны. Представляется, что «доказать» здесь что-то серьезное не получилось. Отсутствие научной значимости.]

Если процессуальные соглашения по выбору формы защиты являются юридическими фактами, которые влияют на возникновение, изменение и прекращение только процессуальных правоотношений, то соглашения по определению порядка урегулирования и (или) разрешения будущего или возникшего правового спора могут выступать и в качестве юридических фактов, влияющих на возникновение, изменение и прекращение материальных правоотношений. [Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Схоластика. Отсутствие научной значимости.]

5. Обосновывается, что по степени согласованности воли заключение процессуального соглашения следует относить к односторонним сонаправленным, а не двусторонним взаимным действиям. Цели заключения процессуального соглашения для каждой стороны являются индивидуальными, но путем его заключения стороны добиваются единого для них процессуального итога, направленного не на взаимодействие друг с другом, как при взаимных действиях, а на «управление» юрисдикционной или неюрисдикционной процедурой (например, возбуждение определенной процедуры, отложение дела, прекращение судебного разбирательства и другое). [Разве односторонняя сонаправленность всегда исключает возможность взаимных действий? Далеко не так.

Разве заключение процессуального соглашения не может быть направлено на взаимодействие сторон друг с другом, на их взаимные действия? Конечно, может.

Это признает и автор, говоря затем об управлении процедурой. Речь идет об управлении ею самими сторонами, а это предполагает их взаимодействие.

Или автор имела в виду какие-то особые процессуальные соглашения? Но почему тогда это не объяснено, почему говорится о процессуальных соглашениях вообще?

И почему автор говорит о «двусторонних действиях»? А если сторон несколько? Отсутствие научной значимости.]

6. Аргументируется, что внесудебные неюрисдикционные процессуальные соглашения, заключаемые по выбору внесудебной неюрисдикционной формы защиты права (соглашения о применении процедуры медиации, о проведении процедуры медиации, о переговорах и некоторые другие) являются квазиправовыми процессуальными соглашениями, поскольку не порождают прав и обязанностей и не влекут применения мер юридической ответственности. [Некорректное утверждение. Эти соглашения «не порождают прав и обязанностей»? Вообще никаких? А как же содержание Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»?

И почему такие соглашения обязательно должны влечь применение мер юридической ответственности?

Далее, автор допускает методологическое противоречие: выше в п. 1, в п. 2 и в п. 3 она предлагала «широкий подход», а теперь вдруг предлагает использовать очень узкий и отказывать этим соглашениям в статусе правовых?

Стилистически неудачное выражение: «соглашения, заключаемые по выбору... формы защиты».

Отсутствие научной значимости.] Несмотря на свою специфическую природу, внесудебные неюрисдикционные процессуальные соглашения имеют опосредованный процес-

суальный эффект, влияющий на динамику развития юрисдикционных процедур. [Нарочито усложненный язык, маскирующий отсутствие содержания.]

Некорректное утверждение. Эти соглашения имеют лишь опосредованный процессуальный эффект? А как же быть, например, с ч. 1 ст. 4 «Применение процедуры медиации при рассмотрении спора судом или третейским судом» только что упомянутого Закона («1. В случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права»)?

Отсутствие научной значимости.]

7. Предлагается расширить для участников гражданского и арбитражного процесса возможность заключения судебных процессуальных соглашений между судьей и лицами, участвующими в деле, по вопросам движения гражданского дела («организационные соглашения»). Свобода распоряжения своими правами в данном соглашении должна быть ограничена сроками, предусмотренными в законе, а также основываться на принципе разумности процессуальных сроков; а оспаривание данных соглашений должно быть возможным только в рамках текущего судебного процесса. [Тезисы заслуживают внимания, особенно применительно к российским реалиям. Однако формулировать их следовало иначе. Любые предложения, каким-либо образом упоминающие об изменении, совершенствовании законов и т.д., не могут иметь никакого отношения к тем научным тезисам, которые должны выноситься диссертантом на защиту. Это не наука (см. выше с. 439–440)].

Кроме того, предложения сформулированы неаккуратно: «Предлагается расширить для участников гражданского и арбитражного процесса возможность заключения судебных процессуальных соглашений между судьей и лицами...». Именно для участников? А почему тогда потом говорится о судьях?;

«Свобода распоряжения своими правами в данном соглашении...». То есть речь идет и о свободе распоряжения своими правами со стороны именно судьи?;

«...оспаривание данных соглашений должно быть возможным только в рамках текущего судебного процесса». То есть оспаривать их может и судья?]

8. Обосновывается, что в целях снижения трудозатрат по рассмотрению гражданских дел, следует предусмотреть возможность заключения процессуальных соглашений, направленных на расширение диспозитивности судебного разбирательства: соглашение сторон об изменении сроков на обращение в суд, соглашение об изменении формы судопроизводства на упрощенную (письменную, электронную), соглашение об отказе от права на обращение в вышестоящую судебную инстанцию. [Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Некоторые продвинутые стороны это уже делают. В третейском разбирательстве такие соглашения заключаются еще чаще. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось.]

«В целях снижения трудозатрат»? Разве это диссертация по специальности 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»?

Что означает «следует предусмотреть»? Кому? Где? Если в действующем регулировании, то любые предложения, каким-либо образом упоминающие об изменении, совершенство-

вании законов и т.д., не могут иметь никакого отношения к тем научным тезисам, которые должны выноситься диссертантом на защиту. Это не наука (см. выше с. 439–440). Отсутствие научной значимости.]

9. Обосновывается, что для гармонизации международных отношений в международные договоры о правовой помощи, международные договоры о признании и исполнении решений иностранных судов и в иные международные акты, заключенные на условиях взаимности, кроме признания и исполнения судебных актов (и иных юрисдикционно утвержденных актов), необходимо включить признание и исполнение медиативных соглашений. Если внутри страны предусмотрена процедура утверждения медиативного соглашения судом или его утверждение в нотариальном порядке, то признание и исполнение такого акта возможно без использования специальных процедур на территории договаривающихся государств. [Тривиальные утверждения. Отсутствие научной новизны. Представляется, что «обосновать» здесь что-то серьезное не получилось.]

ЮНСИТРАЛ разрабатывает, как известно, конвенцию о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате международной коммерческой согласительной процедуры. Автор предлагает аналогичные правила вносить в иные международные договоры. Что тут нового или интересного?

Далее, любые предложения, каким-либо образом упоминающие об изменении, совершенствовании законов или международных договоров и т.д., не могут иметь никакого отношения к тем научным тезисам, которые должны выноситься диссертантом на защиту. Это не наука (см. выше с. 439–440).

Что означают слова «международные акты, заключенные на условиях взаимности»? Заключение любого такого акта основывается на взаимности. Или имеется в виду то, что в таких актах государства обязуются взаимно что-то признавать? Но в чем тогда смысл подчеркивать это: «заключенные на условиях взаимности»?

Неаккуратная формулировка: «Если внутри страны предусмотрена процедура... то признание и исполнение такого акта возможно... на территории договаривающихся государств». Какой страны? Являющейся договаривающимся государством? Или иной?

Отсутствие научной значимости.]

<...>

Общий вывод: несмотря на высказанные критические замечания, попытка автора постараться сделать что-то значимое действительно видна.

Однако итог удачным не получился. Автору следовало формулировать свои тезисы иначе, нужно было избрать иной методологический подход.

Жаль, что научный руководитель, официальные оппоненты и ведущая организация должное внимание на это не обратили.